

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ

В завершении сезона театр «Школа современной пьесы» решил оправдать свое название, осуществив две читки новых пьес. Первая, режиссерски выстроенная Иосифом Райхельгаузом, была похожа на импровизацию, которая в идеале должна быть бесконечной. Текст Евгения Гришковца «Записки русского путешественника» представляет собой серию «диалогов на темы», каждая из них воспринимается как наша тема, родная, схваченная предельно точно. О том, как обокрали в аэропорту, как кому-то у кого-то надо занять денег. О том, что человеку все время плохо и здесь, и за границей, а хорошо только в предвкушении пути. О том, кто, почему, какую минеральную воду покупает. И что есть потребность написать. О том, как, где отдыхать.

Сидят два актера, Владимир Стеклов и Василий Бочкарев, и треплют обо всем этом, достигая такого эмоционального грауса, что комизм переходит в абсурдизм

Театральная кухня, или Каждому – свое

фарса, в драматизм стремится к трагическим оборотам. Артистизм просто зашкаливает. Проблема какого бы то ни было перевоплощения (по крайней мере, так видится со стороны воспринимающего) отпадает напрочь. Кажется, актеры играют исключительно про себя, рассказывают о своих приключениях и делятся своими переживаниями.

Текст автора и самоочинные добавки исполнителей разделить стилистически невозможно. А сами пассажи вызывают редкое теперь ощущение, что они написаны почти про меня, или даже полностью про меня и уж точно про мою жизнь. И вообще про нашу общую действительность. Драматург сосредоточивается на тех предметах обсуждения, которые в качестве общих раздражителей, биографических подробностей, психологических нюансов объединяют современных людей в сотоварищей, делая всех для всех своими в доску. Это обсуждение и перебивание косточек тому большому жизненному пространству, где мы все обитаем.

По сути дела, такое течение диалога напоминает сильнее всего какой-нибудь прямой эфир ток-шоу или же сценарий телесериала в сугубо русском стиле. Слова, слова, слова. А что еще нужно, кроме остроумных и проникновенных слов? В общем-то ничего, особенно в жизни, подавляющей человека своим чрезмерно переменчивым интенсивным ритмом, наворотом событий и обилием ненужных для души дел. Пьеса воздействует как противовес современной každодневной суете, когда люди разобщены и внутренне отрешены друг от друга. Сами диалоги рождают атмосферу любимого советского мифа – о кухне, где и протекает самое напряженное, самое неформальное, самое теплое человеческое общение, являющееся отдохновением и счастьем. Диалоги Гришковца, можно прогнозировать, обречены на успех, поскольку ностальгия по такому времяпрепровождению усиливается в нашем обществе, находя в окружающей

действительности все меньше времени и места для реализации.

Культом сугубо частной, в том числе интимной, с любовными перипетиями, жизни, видимо, изрядно утопил аудиторию за последнее время, поскольку, как я подозреваю, сам по себе не составляет в общественном сознании целостной универсальной вселенной. У Гришковца весь пласт любовных конфликтов ступил в тень. Мы находились в сугубо мужской компании, где самое важное – каковы взаимоотношения человека с реальностью вообще. И друзья существуют для того, чтобы в этих взаимоотношениях вместе с ними разбираться.

Зато вторая пьеса, взятая для читки, – «Влечения» английского драматурга Патрика Марбера – довела исключительную приверженность любовной теме почти до маниакальности. С помощью режиссера Анны Иррифоновой молодые актеры Ольга Гусилетова, Елена Ксенофонтова, Дмитрий Гольдман и Максим Евсеев сложили любовный многоугольник, в котором партнеры и партнерши находятся в перманентном бронуновском движении, будучи никак не в состоянии остановиться на каком-нибудь одном спутнике жизни. Они только и делают, что знакомятся, соединяются в пары, изменяют друг другу, расходятся, а потом мирятся вновь и все начинается сначала. И при всем при этом они постоянно рассказывают друг другу о том, как, где и когда с ними происходил очередной зигзаг сюжета страсти. Честность и искренность существуют здесь, чтобы люди могли всегда друг друга обидеть и заставить страдать. А обиды и страдания, похоже, являются поводом для последующего общения.

При всем комизме отдельных сцен типа секса по интернету, при всем остроумии легкого диалога и обаятельного актерского исполнения, пьеса навевает ужасающее уныние. Есть в ней что-то от лихорадочной угасающей жизни, которую пытаются выдать за нормальную динамику. Мол, эти англичане устраивают фотовыставки, путешествуют, шутят, иногда пишут книги, а в это время у них имеют место личные проблемы, появления их, кстати, никак не мотивировано. Такая вот обычная жизнь.

Вероятно, вводит в печальное транс именно ощущение того, что автор и герои не воспринимают все происходящее с ними как катастрофу, невосполнимые утраты, жизненный провал. Они все несчастливы, но чувство нашего дискомфорта связано с тем, что никто из действующих лиц всерьез не сосредоточен на этом. Похоже, они не знают, что несчастливы – нет у них такого понятия. Как ни странно, от этого они выглядят не несчастливее, а только беспомощнее. Уж разобраться, несчастлив или нет, – это такие азы драматического самоощущения персонажа. Русский герой по крайней мере не имеет никаких иллюзий по поводу собственной несчастливости, а потому не производит впечатления человека, совсем уж не отдающего отчет в том, кто он такой и в каком мире живет.

В нашей драматургии, как правило, герои ведут беседы для того, чтобы выразить свою боль и суть своих проблем, своего несчастья. А здесь, во «Влечениях», четверка англичан, похоже, существует для того, чтобы описывать своим и чужим спутникам жизни, как они делают их всех несчастливыми. Не буду делать опрометчивый вывод о том, что отечественные герои больше мазохисты, а современные английские – садисты. Хотя доля истины в этом делении, несомненно, присутствует. «Записки русского путешественника» по своей психологии являются стремлением преодолеть одиночество по крайней мере вдвоем, а в идеале еще и в душевно единении с аудиторией, переживая все многообразие мира, у которого под ногами путается человек.

«Влечения» с успехом отстаивают свободу и независимость каждой личности портить жизнь себе и другим, достигая при этом одиночества или состояния на грани одиночества, не интересуясь вообще никаким окружающим миром, относясь к нему как к индифферентному вакууму. Посочувствовать мы можем любым героям. Но трудно понять чудков англичан. Почему они не сядут и не покопаются каждый в своем несчастье. А то ведь так и жизнь пройдет, как будто и не жили по-настоящему. Что будет дальше с пьесами, покажет время, а пока «Школа современной пьесы» дает пищу для размышлений о том, бывает ли такая вещь, как драматургический менталитет.

Екатерина СОЛЫНИКОВА